

ДЛЯ
СОЛДАТЪ.

13 Марта 1901 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Ушелъ (Разсказъ стараго пограничнаго солдата). *Θ. Тютчевъ.* — Вѣсти и слухи. — Отвѣты на загадки, помѣщенные въ предыдущемъ номерѣ.

УШЕЛЪ.

Разсказъ стараго пограничнаго солдата.

— Да, ребята, вотъ вамъ теперь скоро идти служить кто въ пѣхоту, кто въ кавалерію, кто въ артиллерію, каждый — скажемъ такъ — туда, куда ему судьба покажетъ и Богъ приведетъ, можетъ кому, какъ и мнѣ, грѣшному, доведется и въ пограничную стражу попасть; что же — дѣло хорошее, спервоначалу оно будто бы и жутко и тяжело покажется, а какъ пріобыкнешь, такъ лучшей службы и не надо. Въ войскахъ по моему хуже: особливо по городамъ, всю службу сидишь въ казармахъ, четыре стѣны кругомъ, у воротъ часовые, передъ глазами дворъ да стѣны. Въ отпускъ пойдешь — по улицамъ пыль, духота, небо за домами не видно, идешь гляди въ оба, не прозѣвай честь отдать, во фронтъ стать, не толкнуть бы кого, въ одеждѣ чтобы исправность была, а не то какъ разъ, замѣсто чтобы къ кумѣ попасть — въ карцію угодишь. Одно что — кабаковъ

много, да вѣдь это какъ кому. Хорошему солдату хоть бы ихъ и совсѣмъ не было, онъ и не глядитъ-то на нихъ, а тѣ, что любятъ забѣгать подъ красную вывѣску, безпремѣнно недобромъ кончатъ, спасибо если только въ разрядъ штрафованныхъ да въ дисциплинарный баталіонъ попадутъ, а то и подальше куда на поселеніе аль бо на каторгу. Такъ-то — не даромъ говорится: «Изъ кабака до острога — прямая дорога!» Въ пограничной стражѣ куда вольготнѣе. Живешь на посту ровно какъ бы и дома. Народу немного, человекъ 10—12, ну много, много двадцать, какъ одна семья. Хозяйство есть постовое и свиньи и куры, иной разъ и коровы свои. Выйдешь утречкомъ на службу на границу — идешь вольготно, солнышко свѣтитъ, вѣтерокъ подуваетъ, птицы щебечутъ, иной разъ такъ хорошо на душѣ станетъ, что даже и забудешь, что ты на службѣ, и кажется, что идешь ты по своему дѣлу, какъ хаживалъ дома. Ну, конечно, въ иную пору и плохо приходится, особливо ночью, когда дождь да вѣтеръ подымутся, или морозъ заворачиваетъ, а ты лежишь себѣ гдѣ-нибудь на границѣ въ секретѣ въ канавѣ и шевельнуться не можешь. Иной разъ такъ иззябнешь, что и самъ не знаешь, живъ ты или уже кончаешься, ну а потомъ выглянетъ солнышко, прису-

шить, пригрѣтъ и ничего, отдышался и опять хоть куда, или вернешься зимой на постъ, скинешь полушубокъ, валенки, укутаешься въ одѣяло, подвалишься поближе къ печкѣ и горя тебѣ мало, опять человекъ доволенъ. На Кавказской границѣ оно положимъ куда тяжелѣе да и опаснѣй, много нашего брата лежитъ тамъ вокругъ постовъ въ темныхъ могилахъ, только крестики мелькаютъ, рѣдкій постъ, чтобы вокругъ него своего маленькаго погоста не было; идешь съ вечера на службу и не гадаешь, что можетъ ты послѣдній разъ товарищей видѣль. Наскочитъ гололобая татарва, завяжется перестрѣлка, глядишь и нѣтъ тебя. Угодить горячая пуля въ грудь или бо въ лобъ и ляжешь на вѣки, а душенька твоя полетитъ къ Богу; а то и такъ бываетъ: пойдутъ наши обходомъ или развѣздомъ и не думаютъ ничего, вдругъ изъ-за камней или кустовъ залпъ, не опомнишься даже, какъ тебя подрѣжетъ, и словно и небывало, такъ и умрешь, не зная кто и убилъ-то тебя. Ну да объ этомъ что толковать, на то и служба, кому что на роду написано, умирать когда-нибудь да надо же, два раза не помрешь, а одинъ все равно не минешь, зато сколько разъ случается контрабанду отбивать. На службу идешь — только и имущества, что мѣдный тѣльникъ на шеѣ, а со службы воротиться, смотришь и одеженка на тебѣ исправная и вещицы кое-какія есть, да и деньжонокъ малу толику принасъ, особливо который до вина не охочь. Вотъ хоть бы къ примѣру меня взять, сами знаете, бѣднѣйшей семьи въ деревнѣ не было безлошадниками числились, а теперь, слава Богу, справились и избу починили и лошадку завели не хуже, чѣмъ у людей, и корова есть, да и одежда, на людяхъ показаться не стыдно, а все благодаря ей, службѣ-матушкѣ. Не наворованное, не обманное, а заслуженное вѣрой и правдой, грудью да кровью добытое. Я на службѣ-то шустрый былъ, въ секретяхъ не спалъ, къ тому же и удачливъ былъ, двѣ помки взялъ съ товарищемъ, по сту рублей награды за каждую получилъ, а про

маленькія и не говорю, сказать такъ, что даже и не упомяну, сколько я ихъ за свою службу набралъ, знаю только, что, вернувшись домой, отцу изъ-за пазухи пять сотельныхъ выложилъ. На молъ, батька, разживайся. Съ того самаго мы и въ люди пошли. Видите, медаль у меня серебряная на Георгіевской лентѣ. Это я уже на послѣднихъ годахъ службы получилъ. Привелось разбойника одного важнаго задержать, правда полонилъ онъ меня тогда малость кинжаломъ, да это наплевать, шкура-то своя, не покупная, а сколько радостей-то было, какъ пришла мнѣ медаль. Самъ полковникъ нашъ нацѣпилъ мнѣ ее передъ всѣмъ постомъ, и приказалъ товарищамъ три раза «ура» крикнуть новому георгіевскому кавалеру, а раньше въ приказѣ отпечатали, первый разъ по бригадѣ и второй по всему значить нашему корпусу пограничному; приказы эти въ Петербургѣ печатаются, съ Высочайшаго стало быть соизволенія. Въ тотъ же годъ меня какъ Георгіевского кавалера въ Петербургъ потребовали на царскій смотръ и самъ Государь Батюшка насъ молодцами назвалъ и за службу благодарилъ. Эхъ, братцы, и что я тогда почувствовалъ, какъ Его, нашего Батюшку, увидѣль и поняль, что это Онъ, нашъ родимый, намъ, простымъ сѣрякамъ, говорить изволить, благодарность свою царскую изъясляетъ... Скажи мнѣ тогда кто-нибудь: «Савельевъ, броса въ огонь» — тоисть даже бы и глазомъ не мигнулъ, а въ самое пекло бы и закатился бы, кажись нѣтъ той смерти лютѣйшей, которую не приняль бы я тогда съ превеликой радостью... А какъ вернулись мы изъ Питера, такъ я ровно оглашенный сталъ, одинъ на десятерыхъ лѣзу, бывало на перестрѣлкахъ товарищи какъ ни какъ хоронятся, прикрываются кто за камни, кто за канавкой, а я словно полоумный такъ себѣ на пули и пру, только уже ничего такого важнаго сдѣлать не пришлось, раза два нашъ скотъ у разбойниковъ отбили, да контрабандировъ поразбивали... а тутъ и службѣ конецъ, ворочаться домой пришлось и,

знаете ли, все мнѣ кажется, что я чего-то не додѣлалъ, не заслужилъ какъ слѣдуетъ милость царскую, это самое царское «спасибо». Вѣдь за это самое «спасибо» мало жизни лишиться, не то, что кровь пролить... Сколько бы я ни жилъ на свѣтѣ, а этотъ день всегда мнѣ будетъ памятенъ, съ тѣмъ должно и помирять буду.

Да, братцы, не простое дѣло хорошій, честный солдатъ. Кажись, что въ немъ, сѣрый, смиренный, всѣ надъ нимъ начальники, воли своей нѣтъ, а дойдетъ до дѣла, покажетъ онъ свое геройство, да заслужить царскую милость, крестъ аль бо медаль и сразу ему почетъ ото всѣхъ и уваженіе и всякъ ему ласковое слово скажетъ, и чувствуетъ онъ, что не послѣдній онъ человѣкъ, а слуга царскій, слуга настоящій, вѣрой и правдой послужившій Государю Батюшкѣ и Россіи нашей родимой. Зато куда скверно быть плохимъ солдатомъ, нѣтъ тоисть человѣка хуже, какъ штрафованный солдатъ и всѣ къ нему пренебреженіе чувствуютъ и домой-то вернешься, ему радости нѣтъ, да и въ люди не иди, никто не возьметъ. Если уже ты на службѣ супротивъ присяги пошелъ, Царя ослушался, то куда же тебя взять на какую такую должность? Свиной пасти и то не годишься, нѣтъ тебѣ довѣрія, развѣ только въ мусорныхъ ямахъ всякую дрянь убирать. Вотъ я хочу рассказать вамъ про одного такого, какая его стало быть судьба горькая постигла.

Были мы съ нимъ съ одного года, только разныхъ губерній, я Воронежской, а онъ Костромской, поступили на службу въ нашу бригаду и на одинъ постъ, или какъ еще называется кордонъ, служить попали. Звали его Иванъ по фамиліи Пузанъ. Человѣкъ онъ былъ изъ себя не важный. Роста небольшого, въ плечахъ узкій, руки длинныя и лицо блѣдное съ рябиной. Особливо нехороши глаза у него были, мутные какіе-то, сѣрые, какъ у рыбы, и никогда онъ человѣку въ лицо прямо не смотрѣлъ, а все глазами-то по сторонамъ виляетъ. Пришли мы это на постъ, человѣкъ насъ

пять молодыхъ солдатъ и вскорости начали къ службѣ привыкать. Спервоначалу трудно было, а потомъ, мѣсяца черезъ два, смотри какіе молодцы повыходили, и ружейные приемы и маршировки и по словесности хоть куда, нѣкоторые пошустрѣе, вотъ хоть бы я, къ примѣру, и на лошадяхъ стали ѣздить недурно. На тревогу ли поскакать или пакетъ вести, какъ старыхъ объѣздчиковъ нѣтъ дома, посѣдлаешь себѣ коня и валишь со Христомъ за милую душу. Съ однимъ Пузаномъ незадача; за ружейные приемы ли примется, за маршировку ли—одно горе, ружье у него изъ рукъ валится, ноги врознь идутъ, по словесности гордиться такое, что и слушать тошно. Ну словомъ, никуда; и не то чтобы онъ былъ глупъ или очень неловокъ, по крестьянству онъ работникъ не изъ плохихъ, дрова ли рубить, землю копать, косить, ли, онъ ничего работаетъ не плоше другихъ и такъ на соображеніе ничего парень, другому и въ голову не придетъ, какъ онъ удумаетъ, особливо, что худое, навратъ ли что али отговориться, живо сообразить, а вотъ только на службу плохъ. Въ секретъ пошлютъ, того и гляди заснетъ, дежурнымъ по кордону назначать, что-нибудь прозѣваетъ или начальство проглядить, какъ оно къ кордону подъѣзжаетъ, или не во-время людей сбудить на смѣну или другое что. Дневальнымъ по конюшнѣ хоть и не ставь. Какъ Пузанъ дневальнымъ, такъ безпремѣнно или лошадь въ поводъ запутается, или кормъ не во-время раздадутъ, или фонарь не заправленъ и среди ночи потухнетъ. Тамъ, смотришь, лошади подрались и одна другую ушибла, одно слово кругомъ неисправности. Разумѣется и влетало ему порядкомъ за все за это. Иной разъ и не особенно вина большая, но какъ онъ уже считался солдатомъ плохимъ, то ему безпремѣнно влетитъ, то подъ ружье, то въ карцеръ. Долго терпѣлъ онъ, наконецъ, не выдержалъ. Былъ онъ какъ-то дневальнымъ на конюшнѣ и засни, на грѣхъ конь одинъ, Урбанъ назывался, злой презлой, возьми да и скинь недоуздокъ да и давай по

конюшнѣ бѣгать да всѣхъ другихъ лошадей бить, да кусать. Переполохъ поднялся страшный, топчаться лошади, ржутъ, лягаются... хоть съ конюшни бѣги. Услыхалъ старшій громыхаешь въ конюшнѣ, туда бѣжать, глядѣть, а тамъ все въ одну кучу помѣшалось и не разберешь. Позвалъ скорѣй дежурнаго и втроемъ кое-какъ розняли и развели лошадей по стойламъ. Ну, а опосля того и принялся онъ Пузана чехвостить. На утро прѣзжаетъ вахмистръ, вывели лошадей, смотрятъ, та засѣчена, та укушена, у другой подковами бока всѣ изсѣчены—бѣда. Взбѣсился вахмистръ, ажъ почернѣлъ весь. «Позвать, говоритъ, Пузана въ комнату старшаго!» Позвали. Не знаю, что у нихъ тамъ было, только, послѣ того какъ вахмистръ уѣхалъ, Пузанъ вернулся въ казарму, легъ на койку да такъ сутки почти и пролежалъ, не вставая, ни къ обѣду не пошелъ, ни къ чаю, ни на службу. На другой день, утромъ, приходитъ старшему приказаніе отправить Пузана подъ конвоемъ на офицерскій постъ въ карцеръ на пять дней на хлѣбъ и на воду. Отсидѣлъ Пузанъ въ карцерѣ да въ тотъ же день какъ его выпустили и исчезъ. Пропалъ стало быть. Пошелъ вечеромъ въ секретъ съ другимъ солдатомъ, Мионовымъ, да и удралъ въ Персію и добро бы самъ ушелъ, а еще и ружье свое унесъ и Миронова ружье прихватилъ. Тотъ задремалъ малость, а Пузанъ забралъ его ружье да и былъ таковъ; тогда намъ только—что 3-хъ линейныя винтовки выдали и очень персидскіе жители на эти винтовки зарились. Сколько разъ подсылали къ намъ, улещивали, по сту рублей за винтовку сулили, ну да мы разумѣется этихъ самыхъ улещателей-то въ три шеи, едва живые поуходили. Продать казенное оружіе да еще гололобому, врагу нашему, нѣтъ большаго преступленія и такого солдата мало повѣсить. Пошелъ бѣдняга Мионовъ за пропавшую винтовку подъ судъ, а про Пузана ни слуху ни духу. Какъ въ воду канулъ, только одинъ разъ, года такъ черезъ два послѣ того, какъ ушелъ Пузанъ, вышло у насъ одно темное дѣло,

и мы тогда, признаться, сильно на него думали. Пошли у насъ съ поста на ночь два солдата въ секретъ, ночь была темная, тихая, только около самой полночи слышимъ выстрѣлы, ну разумѣется тревога, повскакали на коней и маршъ маршъ. Прѣзжаемъ, глядимъ, бѣда стряслась, лежатъ оба наши товарища навзничь, руки пораскиданы, всѣ въ крови и не дышатъ. Винтовокъ нѣтъ, патронташей съ патронами тоже. У одного на груди мундиръ даже тлѣется, какъ ударили его въ упоръ, такъ даже отъ выстрѣла мундиръ загорѣлся. Осмотрѣли мы ихъ, одинъ уже коченѣть сталъ, другой чуть теплый; стали мы его водой опрыскивать, тормошить; открылъ глаза, съ минуту не замѣчалъ насъ, а затѣмъ очнулся. «Братцы, умираю, убили татары. Много ихъ было. Залпомъ прямо въ упоръ».

— Да какъ вы ихъ такъ близко подпустили? — спрашиваемъ.

— Обманули насъ, проклятые, должно между ними одинъ какой русскій былъ. Мы слышимъ чтой-то шумитъ по рѣкѣ, мы зарядили винтовки и кричимъ «Явашь¹⁾, кто тамъ?» Вдругъ съ той стороны, кто-то чистымъ русскимъ языкомъ крикнулъ: «Братцы, не стрѣляйте, свой православный, подойдите къ берегу, помогите!» Мы и пошли, только изъ гребенчука-то²⁾ къ самому берегу сунулись, какъ ахнуть въ насъ изъ нѣсколькихъ винтовокъ, мы и покатались.

— А голоса вы не узнали?

— А Богъ его вѣдаетъ, далеко, а быдто бы Пузана голосъ былъ.

Прѣхалъ вахмистръ, командиръ отряда. Сдѣлали мы носилки, уложили въ нихъ обоихъ и понесли, только прошли съ полверсты и другой скончался. На постъ донесли уже мертвыхъ. Такъ мы доподлинно и не узнали, кто это былъ, что товарищей нашихъ заманулъ, можетъ Пузанъ, можетъ другой кто. Въ Персіи не мало русскихъ бѣглыхъ проживаетъ, особливо изъ казаковъ и пластуновъ, тѣ, какъ границу занимали,

¹⁾ Явашь—стой.

²⁾ Гребенчукъ—кустарное хвойное растеніе.

часто бѣжали, а есть и изъ полковъ бѣгле, нашихъ пограничныхъ тоже найдется человѣкъ нѣсколько и многіе изъ нихъ контрабанднымъ промысломъ занимаются, а это занятіе, что ни на есть самое доходное, правда рискованное, ну да такимъ, которые изъ своего отечества бѣжали и вѣру христіанскую перемѣнили, съ гололобыми побратались, все съ полгоря. Терять нечего и такъ пропалъ и этакъ пропалъ человѣкъ. Изъ такихъ-то самые отчаянные и удаются. Главное, что порядки наши знаютъ. Какъ-то въ ноябрѣ, что ли, помню, что незадолго до того, какъ идти мнѣ домой, стою я на часахъ у берега рѣки, товарищъ въ шалапѣ спитъ. Днемъ въ пикетѣ намъ было позволено по очереди спать. Дѣло было уже къ вечеру, солнышко садилось. Вижу къ противоположному берегу подъѣзжаетъ какой-то татаринъ на лошади и бултыхъ въ воду. Тутъ у насъ какъ разъ бродъ былъ. Удивился я, что за оказія. Среди бѣла дня, прямо на виду у часового татаринъ черезъ бродъ переправляется. Свистнулъ я товарища, чтобы тотъ вставалъ скорѣе, а самъ живо зарядилъ винтовку на всѣ пять и жду, что дальше будетъ. Товарищъ тоже поднялся, зарядилъ и тоже стоитъ около. Ждемъ. Татаринъ все ближе къ намъ подвигается, такъ прямо на насъ и править. Смотримъ мы, что за чортъ, лицо какъ будто знакомое да и не татарское лицо, одѣтъ по-татарски, а лицо не татарское. Подпустили мы его къ берегу и окликнули. — Стой, Явашъ! » ¹⁾, А онъ, подлець, не останавливается да какъ крикнетъ по-русски: — Савельевъ, али не узналъ?»

— Ахъ ты, пропади совсѣмъ, вѣдь это Пузанъ, ну да и здорово же измѣнился. Худой, желтый, сгорбленный, старый, глаза гноятся, красные, словомъ старикъ старикомъ.

— Куда тебя, лѣшаго, несетъ, — кричимъ.

— Аль не видите. Къ вамъ. Ведите, братцы, къ начальству, лучше уже мнѣ

въ каторгѣ пропасть, чѣмъ въ этой ба-сурманщинѣ жить.

Выѣхалъ онъ на берегъ, соскочилъ съ лошади да какъ вдарится о землю и давай плакать. Прижимается лицомъ къ землѣ, цѣлуетъ ее, а самъ плачетъ разливается. Братцы, кричитъ, окаянный я, грѣшникъ и какъ только земля меня держитъ, вѣдь я убивецъ, черезъ меня окаянаго вашихъ двухъ солдатъ убили гололобые, вѣдь это я ихъ заманулъ. Убейте меня, пса проклятаго. Валяется въ ногахъ, сапоги цѣлуетъ.

Жутко намъ стало. Видимъ мучится человѣкъ, тоскуетъ такъ, что и сказать нельзя, рвется съ горестей у него сердце на части, не стерпѣть и не изжить такого лютаго горя. Жалко намъ его стало. Попадись онъ намъ тогда, когда товарищей нашихъ черезъ него убили, кажись на клочки бы мы его разнесли, замучили бы до смерти, запытали, а теперь глядимъ на него, и никакой тоистъ злобы противъ него въ насъ нѣтъ. Видимъ, что хоть и велики грѣхи его, да и раскаяніе тоже великое, словно на огнѣ горитъ человѣкъ. Долго плакалъ онъ, наксонецъ, успокоился, всталъ съ земли и говоритъ: «Ну, братцы, ведите меня, можетъ, Богъ дастъ, какъ придется преступленіе свое заслуживать, полегчаетъ мнѣ немного, а то теперь у меня въ нутрѣ огнемъ палить».

Не довелось только ему, бѣднягѣ, грѣхи свои искупить. Въ тотъ же день къ вечеру занемогъ и его въ лазаретъ свезли, пролежалъ онъ съ недѣлю и померъ. Передъ смертью онъ фельдшеру рассказалъ все, что съ нимъ было съ того дня, какъ онъ съ поста ушелъ. Выбравшись на другой берегъ, Пузанъ, первымъ долгомъ запрягалъ обѣ винтовки въ камышъ такъ, что безъ него никто ихъ не могъ найти, а потомъ быстрыми шагами пошелъ къ ближайшему селенію. Въ этомъ селеніи жилъ ханъ. Мы его всѣ хорошо знали, такъ какъ онъ часто бывалъ на нашей сторонѣ, продавалъ ячмень и пшеницу. Человѣкъ онъ былъ богатый и, какъ намъ казалось, добрый и ласковый. Бывало какъ пріѣдетъ на постъ, такъ

¹⁾ Явашъ — по-татарски: «стой!»

ласково разговариваетъ, иной разъ, чѣмъ-нибудь послужишь ему, на примѣръ, коня подашь, онъ сейчасъ двугривенный дастъ. По-русски говорилъ хорошо и все шутилъ и смѣялся.

Вотъ къ этому-то хану и надумалъ Пузанъ явиться.

Увидѣлъ его ханъ, нахмурился:

— Зачѣмъ,—говорить,—пришелъ.

— Такъ и такъ,—отвѣчаетъ,—житья на посту не стало, вахмистръ обижаетъ, я и рѣшилъ прійти къ вамъ, возьмите меня къ себѣ въ услуженіе. Я вамъ вѣрой и правдой служить буду.

Усмѣхнулся ханъ, однако ничего, даже какъ будто ласковѣй сталъ.

— А вѣру нашу примешь?—спрашиваетъ.

— Если я службы своей рѣшился и съ родины ушелъ, то готовъ я и вѣру переменить.

Засмѣялся ханъ и тотчасъ же велѣлъ позвать муллу. Пришелъ мулла старый такой престарый, борода бѣлая до пояса, самъ сухой какъ скелеть, хмурый, сердитый. Долго они промежь себя съ ханомъ разговаривали, наконецъ, ханъ обратился къ Пузану и говоритъ: «Вотъ что, солдатъ, мулла говоритъ, что пока ты не научишься говорить по нашему, тебя нельзя въ нашу вѣру повернуть, но и твоей вѣры ты у насъ держаться не долженъ, ни креститься по своему ни молиться, потому что вѣра твоя поганая и Богу негодная, а въ доказательство того, что ты отъ нея отступаешься, долженъ ты снять съ себя крестъ, плюнуть на него и разломать. Согласенъ на это—живи у насъ, я тебя своимъ нукеромъ¹⁾ сдѣлаю, будешь за моими лошадьми ходить, положу тебѣ жалованье и кормить буду, а не хочешь—прикажу тебя сейчасъ связать и отправлю на постъ. Понялъ?»

Жутко стало Пузану. Какъ ни озлобленъ онъ былъ, а все-таки сердце защемило у него и съ минуту онъ колебался, но видно силенъ врагъ человѣческой, подтолкнулъ его нечистый, снялъ онъ съ

шей крестъ свой и сдѣлалъ все, какъ велѣлъ ему проклятый мулла.

Засмѣялись вокругъ татары, и даже самъ сердитый мулла усмѣхнулся и пробормоталъ: «Якши¹⁾, урусъ,... якши»...

Остался Пузанъ у хана.

Дней черезъ нѣсколько выбралъ Пузанъ время и говорить хану: такъ и такъ молъ, я вѣдь не просто ушелъ, а есть у меня двѣ наши казенныя винтовки и патроновъ сорокъ штукъ. Я ихъ спряталъ въ камышахъ, но безъ меня никому не найти, хотите купить ихъ?

Ханъ ажно затрясся весь. Они, татары, до ружей нашихъ не приведи Богъ какъ падки, за русскую винтовку онъ готовъ все отдать, брата зарѣжетъ, жену продасть.

Обрадовался онъ не вѣсть какъ, чуть не цѣлуетъ Пузана, но тотъ тоже не дуракъ.

— Давайте,—говорить,—деньги впередъ, тогда и покажу, а иначе ни-ни, хоть зарѣжьте не скажу, гдѣ онѣ спрятаны.

— А какъ ты врешь, и винтовокъ вовсе нѣтъ, обезпокоился ханъ.

— Какъ же я могу врать, когда я въ вашихъ рукахъ. Что хотите, то сдѣлаете со мной.

Подумалъ ханъ и согласился. Отсчиталъ Пузану за двѣ винтовки шестьдесятъ тумановъ²⁾ и тотчасъ же приказалъ сдѣлать лошадей себѣ и своимъ нукерамъ.

Разыскалъ Пузанъ свои винтовки и отдалъ хану.

Все равно какъ Іуда Христа продалъ, такъ и онъ въ тѣ поры продалъ товарища своего Миронова за тридцать тумановъ.

Не впрокъ пошли ему эти деньги.

Первое время, пока что, ханъ хорошо обращался съ нимъ, но когда онъ обжился немного и принялъ по настоящему вѣру ихъ басурманскую, пошло житье плохое. Жалованье, которое ханъ ему обѣщалъ, онъ пересталъ платить, харчи тоже сталъ выдавать скудные, хоть съ голоду помирай. Терпѣлъ, терпѣлъ Пузанъ, наконецъ надоѣло ему и рѣшилъ онъ отъ хана

¹⁾ Нукеръ—слуга, нѣчто въ родѣ старорусскаго стреманнаго.

¹⁾ Якши—хорошо.

²⁾ Туманъ—2 рубля.

уйти. Въ одно утро завязалъ онъ свое немудрящее имущество и пошелъ куда глаза глядятъ, только не далеко пришлось уйти ему.

Десяти верстъ не прошелъ онъ, какъ догнали его ханскіе нукеры, связали какъ барана и поволокли назадъ.

Притащили его, бѣднягу, къ хану, тотъ приказалъ обыскать его, нашли зашитыми его шестьдесятъ тумановъ и хану отдали. Тотъ спряталъ ихъ себѣ въ карманъ, а Пузана приказалъ бросить въ яму.

Два дня просидѣлъ Пузанъ въ ямѣ, ни воды, ни хлѣба ему не давали, и понялъ онъ, что рѣшили его уморить голодомъ.

Въ Персіи это разлюбезное дѣло.

Брося въ яму человѣка въ глубокую яму, такъ что ему и вылезть изъ нея нельзя, закроютъ сверху досками, завалятъ камнями да такъ и оставятъ, пока онъ не помретъ лютой смертью.

Вотъ тутъ-то только впервой оглянувшись Пузанъ на себя и понялъ, какой великій грѣхъ совершилъ онъ.

Заплакалъ бѣдняга и началъ Бога молить простить его грѣхи тяжкіе.

Прошелъ и третій день. Обезсилѣлъ Пузанъ отъ голода и жажды и только и молить Бога, чтобы смерть послалъ ему скорѣе, сократилъ его мученья невыносимыя.

На третій день къ вечеру слышитъ, подошли къ его ямѣ нѣсколько человѣкъ и ханъ съ ними. Спустили веревку.— «Обвяжись, кричатъ, мы хотимъ тебя вытащить». Кое-какъ собралъ Пузанъ силы, обвязался вокругъ себя веревкой, и они вытащили. Первымъ долгомъ принесли ему воды и чурекъ¹⁾. Выпилъ онъ чашку цѣлую, съѣлъ чурека немного и почувствовалъ себя немного бодрѣе.

Ханъ приказалъ идти ему за собой. Привелъ къ себѣ въ комнаты и говоритъ: «Хочешь живъ остаться и назадъ твои шестьдесятъ тумановъ получить, исполни въ точности, что я тебѣ прикажу, не

исполнишь, сейчасъ же опять въ яму и уже живой оттуда не выйдешь.

Кому смерть красна да еще такая, въ ямѣ съ голоду да съ жажды!—не сталъ Пузанъ и разговаривать много:— прикажите моль, все сдѣлаю. Ну, говоритъ ханъ, коли такъ, такъ ладно, слушай же, и рассказалъ тутъ ханъ ему въ чемъ дѣло. Надо было провести большую контрабанду, но такъ какъ контрабанда была дорогая, тысячи на двѣ рублей, то провести ее надо было навѣрняка. Для этого ханъ придумалъ послать впередъ Пузана, чтобы, если контрабандиры наткнутся на пограничныхъ солдатъ, онъ ихъ какъ-нибудь заманилъ изъ засады, послѣ чего, убивъ часовыхъ, уже безопасно можно было вести контрабанду дальше.

Отступился отъ родины, отступился отъ вѣры, а отъ товарищей и подавно. Сдѣлалъ Пузанъ, какъ ему было приказано, прошла контрабанда, погибли двое вѣрныхъ слугъ Царскихъ, свято охраняя своей грудью границу Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ загубилъ Пузанъ и свой покой. Послѣ этого случая не сталъ ему миль и свѣтъ Божій. Напала на него тоска лютая, неисходная. Отъ ѣды отбился человѣкъ, отъ сна. Ходитъ ровно помѣшанный и одна у него дума, про родину свою вспоминаетъ, про мать старуху, про братьевъ да сестеръ. Плохо казалось ему на службѣ, а теперь, кажись, такъ бы и побѣжалъ на кордонъ. Особенно тоскливо было ему ночью. Заберется въ ханскую конюшню, сядетъ въ уголокъ, подопретъ щеку рукой и запоетъ російскую пѣсню, поетъ, поетъ да какъ ударится объ землю и начнетъ плакать. Плачетъ, пока слезъ хватаетъ. Противны ему стали татары, глаза бы на нихъ не глядѣли и они отъ него сторонятся. Понятное, дѣло, чужой онъ имъ. Вѣры одной съ ними считается, а обрядовъ ихнихъ не блюдетъ, молиться по-татарски не умѣетъ, постовъ и обычаевъ ихнихъ не держится, словомъ не русскій и не мусульманинъ, не человѣкъ, а такъ только тѣнь человѣческая. Нѣсколько разъ пытался онъ молиться, да какъ вспомнить, что онъ съ крестомъ

¹⁾ Чуреки—хлѣбныя лепешки.

своимъ, которымъ его младенцемъ крестили, сдѣлалъ, охватить его страхъ до ужаси, и слова не идутъ съ языка и рука, что собиралась крестъ положить, какъ свинцомъ налитая, внизъ падаетъ.

Два года промаялся бѣдняга и, наконецъ, не выдержалъ и рѣшился обѣлвиться. Послалъ его ханъ какъ-то въ сосѣднее селеніе по какому-то дѣлу, а онъ замѣсто того погналъ коня къ русской границѣ и чѣмъ ближе подѣзжалъ онъ къ ней, тѣмъ сильнѣе стучало его сердце. Вспомнилась ему родная деревня, мать старуха, вспомнилъ, какъ ходилъ онъ съ нею въ церковь Божію, и замерла въ немъ душа. Ъдетъ, а въ ушахъ церковный звонъ, словно въ свѣтло Христово Воскресенье. Мелькаютъ передъ глазами знакомыя, родныя лица, слышится ему точно гдѣ-то близко голоса раздаются, рѣчь русская слышится...

Не помня себя, гонить онъ лошадь свою и только и видитъ приближающіяся горы на русской сторонѣ...

Забылъ онъ и преступленія свои тяжкія, забылъ и горести, и лишенія, и бѣды, что пережилъ за четыре года въ басурманской сторонѣ, все забылъ, только одно и на умѣ, что вотъ, скоро, скоро онъ опять будетъ въ Россіи среди своихъ, услышитъ родную рѣчь, увидитъ русскія лица! Гонить онъ коня, не разбирая дороги, и съ разбѣгу бросается въ холодныя волны пограничной рѣки... Только тутъ немного опомнился онъ, на мгновенье страхъ кары за его преступленія охватилъ его и потянулъ назадъ, но онъ тотчасъ же поборолъ его въ себѣ и безъ оглядки погналъ коня впередъ.

Позвала его звать къ себѣ мать Рассеюшка, и не могъ онъ того зова послушаться.

Θ. Тютчевъ.

Вѣсти и слухи.

Прошлымъ лѣтомъ, во время слѣдованія развѣздовъ вызванныхъ для испытанія, отъ 2-й и 3-й кавал. дивизій, развѣзду отъ 4-го эскадрона 7-го драгунскаго Новороссійскаго полка пришлось въ 2 часа

ночи, съ 11 на 12 іюня, переправиться вплавъ черезъ р. Невяжу.

Развѣдчикъ, Ершовъ, будучи въ передовомъ дозорѣ нашелъ мѣсто для переправы и доложилъ объ этомъ начальнику развѣзда корнету Мерро, который и рѣшилъ переправиться съ развѣздомъ вплавъ.

Ершовъ поплылъ впереди развѣзда и почти достигъ противоположнаго берега, какъ его лошадь рванулась и сильно ударила его въ бокъ копытомъ, вслѣдствіе чего Ершовъ оторвался отъ лошади и пошелъ ко дну. Начальникомъ развѣзда тотчасъ были приняты мѣры для спасенія утонувшаго и черезъ нѣсколько минутъ Ершовъ былъ вытасченъ изъ воды, но уже въ безсознательномъ состояніи. Принятыми энергичными мѣрами Ершовъ былъ приведенъ въ чувство и отправленъ съ фельдшеромъ въ лазаретъ, а развѣздъ продолжалъ свое движеніе. Когда на слѣдующій день командиръ полка посѣтилъ въ лазаретѣ Ершова съ цѣлью узнать о его здоровіи, то послѣдній главнымъ образомъ обнаружилъ безпокойство, не опоздалъ ли развѣздъ къ мѣсту своего назначенія изъ-за неожиданной задержки при переправѣ вслѣдствіе происшедшаго съ нимъ несчастья.

Командующій войсками Виленскаго военного округа объявилъ въ приказѣ, что поведеніе рядового Ершова обращаетъ на себя вниманіе своей лихостью, молодечествомъ и неуклоннымъ исполненіемъ долга службы; объявилъ ему свое спасибо и пожаловалъ десять рублей.

Командиру 7-го драг. Новороссійскаго полка и командиру 4-го эскадрона того же полка объявилъ сердечную благодарность за воспитаніе молодца развѣдчика.

Приказъ этотъ былъ прочтенъ во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, батареяхъ и командахъ.

Отвѣты на загадки, помѣщенные въ предыдущемъ номерѣ.

Отвѣтъ: Каждый русскій солдатъ.

Отвѣтъ: Запѣвать хорошую пѣсню.

Редакторъ-Издатель В. Березовскій.